

Франсуаза Саган

НЕЯСНЫЙ ПРОФИЛЬ

НЕДВИЖНАЯ ГРОЗА

ШЕЛКОВЫЕ ГЛАЗА

СЛЕЗИНКИ
В КРАСНОМ ВИНЕ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С 13

Françoise Sagan
UN PROFIL PERDU
Copyright © Flammarion, 1974 © Éditions Stock, 2010
UN ORAGE IMMOBILE
Copyright © Jean-Jacques Pauvert, Julliard, 1983 © Éditions Stock, 2010
DES YEUX DE SOIE
Copyright © Flammarion, 1975 © Éditions Stock, 2009
UN MATIN POUR LA VIE ET AUTRES MUSIQUES DE SCÈNE
Copyright © Flammarion, 1981, © Éditions Stock, 2011
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского
Аллы Борисовой, Ольги Егоровой, Леонида Ефимова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-26672-8

© А. К. Борисова, перевод, 1999
© О. И. Егорова, перевод, 2010
© Л. Н. Ефимов, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Вечером мы должны были идти в гости к Алферну, молодому врачу, и я долго колебалась, идти или нет. Этот день, который я прожила с Аланом, моим мужем, день, поставивший крест на четырех годах любви, ссор, нежности и бурных сцен, я предпочла бы завершить в объятиях Морфея или взять и напиток. Во всяком случае, остаться в одиночестве. Но, разумеется, Алан, как законченный мазохист, настоял, чтобы мы пошли к Алферну. Он делал счастливое лицо и улыбался всякий раз, когда его спрашивали, как поживает самая прочная супружеская пара в Париже. Отшучивался, нес какую-то забавную ерунду и не отпускал при этом мой локоть, сжимая его изо всех сил. Я видела в зеркалах наше прелестное отражение и улыбалась ему: оба мы высокие, худощавые, он — голубоглазый блондин, я — брюнетка с серыми глазами, одинаковая манера держаться и одинаковое ощущение поражения, теперь уже совершенно очевидного. Однако Алан зашел слишком далеко. Когда на вопрос какой-то растроганной дуры: «Скоро я буду крестной, Алан?» — он ответил, что таким мужчиной, как он, моя жизнь заполнена целиком и двоих я не заслуживаю, я пришла в ярость. «Это правда», — сказала я и, как иногда бывает в музыке, когда мощный аккорд означает вступление новой темы, вырвала руку из руки Алана и повернулась к нему спиной. Вот так, на коктейле, похожем на все прочие коктейли парижской зимы, я оказалась лицом к лицу с Юлиусом А. Крамом. Я так быстро и грубо вырвалась, что спиной почувствовала, как Алана затрясло от злости. Лицо Юлиуса А. Крама — именно так он мне представился: Юли-

ус А. Крам, — лицо его было бледно, тускло и замкнуто. Не зная, что сказать, я спросила, нравятся ли ему выставленные здесь картины. В самом деле, прием был затеян с целью продемонстрировать полотна, написанные любовником хозяйки дома, неугомонной Памелы Алферн.

— Какие еще картины? — сказал Юлиус А. Крам. — Ах да! Кажется, я вижу одну у окна.

Он направился туда, и я машинально последовала за этим человеком, который был на полголовы ниже меня, так что мне были видны зачатки лысины, предвещавшие ее скорую победу. Он резко остановился перед одной из картин, написанных, казалось, из большого желания сойти за художника, и поднял голову. У него были круглые голубые глаза за стеклами очков и удивительные для таких глаз ресницы: пиратские паруса над рыбацким баркасом. С минуту он разглядывал картину, потом издал какой-то хрип, больше похожий на собачье рычание, чем на человеческий голос, и я уловила что-то вроде: «Какой ужас!» — «Простите?» — сказала я, ошеломленная, потому что этот лай показался мне хоть и обоснованным, но нелепым, и он повторил так же громко: «Какой ужас!» Несколько человек, стоявших рядом с нами, попятились, будто запахло скандалом, и я осталась одна, застряв между картиной и доблестным Юлиусом А. Крамом, который явно не был расположен дать мне удрать. Позади нас пополз шепоток. Да, да, Юлиус А. Крам отчетливо произнес, причем дважды, «какой ужас», имея в виду эту картину, а очаровательная Жозе Эш — то есть я — ни слова не возразила. Ропот достиг шестого чувства величественной мадам Дебу, и она обернулась к нам. Мадам Дебу была особа выдающаяся. С непререкаемой властью она правила этим светским кружком. В шестьдесят с чем-то лет она держалась очень прямо, была весьма элегантна, черноволоса, а состояние ее мужа (который давно скончался от общего перенапряжения) обеспечивало ей чрезвычайную независимость и, как следствие этого, чрезвычайную кровожадность. В любых обстоятельствах — драма ли

случалась или торжество — мадам Дебу часто все улаживала, а иногда и разрушала, неизменно вновь оказываясь одна и неизменно твердо стоя на ногах, как обязывала фамилия, которую она носила¹. Ее указы обжалованию не подлежали, как и ее пристрастия. Наконец, она мгновенно распознавала ретроградство в произведениях искусства новых направлений и смелость в вещах банальных. При всем том, если бы не ее природная, неискоренимая злоба, она была бы умна.

Почувствовав, что происходит нечто непредвиденное, она тотчас направилась к нам, окруженная незримой свитой воинов, шутов, лакеев, ибо, хоть она и была всегда одна, постоянно казалось, что рядом полно готовых на все наемных убийц. Это создавало вокруг нее некую запретную зону, почти осязаемую, исключавшую любое проявление вольности.

— Что вы сказали, Юлиус? — осведомилась она.

— Я говорил этой даме, — сказал Юлиус без тени страха, — что картина ужасна.

— Вы думаете, это было необходимо? — сказала она. — Кстати, она не так уж плоха.

Она указала на святого Себастьяна, пронзенного стрелами и окончательно добитого Юлиусом. И движение подбородка, и ее интонация были безупречны: смесь презрения к художнику, сострадательной терпимости к слабостям хозяйки дома, ненавязчивого призыва к порядку и соблюдению приличий, обращенного к Юлиусу.

— Эта картина рассмешила меня, — сказал Юлиус А. Крам вдруг изменившимся голосом, с каким-то присвистом. — Ничего не могу поделать.

Памела Алферн в сопровождении Алана подошла к нам с недоумевающим видом. Она расслышала какое-то твяканье, означавшее, что среди гостей произошло некоторое замешательство, и направилась к месту сражения на всех парусах.

— Юлиус, — сказала она, — вам нравится живопись Кристобая?

¹ *Debout* — стоя (фр.). — Примеч. перев.

Юлиус, не отвечая, повернул к ней свирепое лицо. Она чуть отпрянула, но в ней тут же проявился рефлекс хозяйки дома:

— Вы знакомы? Алан Эш, муж Жозе.

— Ваш муж? — переспросил Юлиус.

Я кивнула. Он засмеялся каким-то тевтонским, первобытным, невысказанным смехом, — право же, это было ужасно.

— Что здесь смешного? — спросил Алан. — Картина вас так рассмешила или то, что я женат на Жозе?

Юлиус А. Крам окинул Алана взглядом. Я находила его все более и более своеобразным. Во всяком случае, смелости ему не занимать: в течение трех минут бросить вызов мадам Дебу, хозяйке дома и Алану — это свидетельствовало об определенном хладнокровии.

— Я смеялся просто так, без причины, — сказал он резко. — Не понимаю, дорогая, — обратился он к мадам Дебу, — вы постоянно упрекаете меня за то, что я не смеюсь. Ну вот, вы можете быть довольны: я смеюсь.

Я вдруг вспомнила, что слышала о нем. Юлиус А. Крам был могущественным дельцом, пользовавшимся значительной поддержкой в политических кругах, и, по-видимому, он неплохо представлял, в каком состоянии счета в швейцарских банках у трех четвертей приглашенных. Говорили, что он очень щедрый и очень черствый человек, его побаивались и всюду приглашали. Это объясняло двусмысленную улыбку мадам Дебу и Памелы Алферн, снисходительную и натянутую одновременно. Некоторое время мы, все четверо, стояли молча и смотрели друг на друга. Конечно, мы с Аланом должны были бы поздравить художника, который дежурил у входа, и вернуться в наш крошечный ад. Обычно подобные ситуации, в сущности, очень просто разрешить с помощью слов «до свидания», «до скорой встречи», «рад был познакомиться» и проч. Но в нашем случае положение казалось безвыходным. Выход нашел Юлиус, который решительно возомнил себя вождем племени и предложил мне выпить что-нибудь в баре, помещавшемся в другом конце комнаты. Так же, как

и в первый раз, он увел меня за собой, и мы прошествовали через всю гостиную маршевым шагом. Меня разбирал безумный смех и одновременно мучили опасения, потому что взгляд Алана стал странно тусклым, почти остекленел от гнева. Я поспешно выпила рюмку водки, которую, не заботясь о моих вкусах, сунул мне в руку властный Юлиус А. Крам. Пчелиное жужжание вокруг нас возобновилось, и через минуту я поняла, что на этот раз скандала удалось избежать.

— Поговорим серьезно, — сказал Юлиус А. Крам. — Чем вы занимаетесь в жизни?

— Ничем, — ответила я не без гордости.

И правда, среди всех этих бездельников, непрерывно тараторящих о какой-то там своей деятельности — дизайнерской мебели, прелестях финского стиля и прочей белиберде, не говоря уж об участии в производстве всего на свете, — я была рада признаться в совершенной праздности. Я была женой Алана, я жила на его деньги. И вдруг я поняла, что скоро уйду от него и ничего не смогу от него принять, никогда, ни одного доллара и ни одной встречи. Мне придется работать, влиться в бойкую толпу людей, которые расплывчато называются «пресс-атташе», «референт по общественным связям» и прочее в том же роде... Да при этом мне еще должно повезти, чтобы попасть в привилегированный круг, где встают в девять часов и не раньше, а к морю ездят два-три раза в год. Между мной и материальными заботами всегда кто-то стоял — сначала родители, потом Алан. Похоже, это счастливое время прошло, и я, бедная дурочка, почти радовалась этому, как приключению.

— А вам нравится ничего не делать?

Взгляд Юлиуса А. Крама не был суров — он выражал сочувственное любопытство.

— Конечно, — сказала я. — Я наблюдаю, как проходит время, день за днем, греюсь на солнце, когда оно светит, и не знаю, что буду делать завтра. А если меня посетит увлечение, у меня будет достаточно времени, чтобы им заняться. Каждый должен иметь на это право.

— Может быть, — сказал он мечтательно. — Я никогда об этом не думал. Всю жизнь я работал, но мне это нравится, — добавил он извиняющимся тоном, который меня умилил.

Все-таки он был занятный, этот человек. Одновременно и беззащитный, и опасный. Что-то жило в нем, неутомимое и отчаянное, — оно-то, видно, и прорывалось в этом его лающем смехе. «Ну нет, — подумала я, — не будем копать в психологии деловых людей, в причинах их успехов и одиночества. Если кто-то очень богат и очень одинок — стало быть, он того и заслуживает».

— Ваш муж все время смотрит на вас, — сказал он. — Что вы ему сделали?

Почему он а priori отводит роль палача именно мне? И что ему ответить? Я любила своего мужа, не очень любила, очень любила, любила другого? Если предположить, что я хочу сказать правду, то как ответить? И с какой правдой согласился бы сам Алан...

Худшее в разрывах то, что люди не просто расстаются, а расстаются каждый по своей причине. Быть такими счастливыми, накрепко связанными, такими близкими, что кажется, есть одна истина на свете: жить только друг для друга, — и вдруг сбиться с пути, потеряться, отыскивая в пустыне следы, которые уже никогда не пересекутся.

— Уже поздно, — сказала я. — Мне пора.

И тогда Юлиус А. Крам голосом торжественным и полным самодовольства стал расписывать прелести чайного салона «Салина» и пригласил меня туда послезавтра, в пять часов, конечно, если это не покажется мне слишком старомодным. Я согласилась, крайне изумленная, оставила его и пошла навстречу Алану, душераздирающей ночи, ссорам, слезам, теперь уже, наверно, последним, а в голове моей звучало: «У них лучшие профитроли в Париже».

Такой была моя первая встреча с Юлиусом А. Крамом.

— Ромовую бабу, — сказала я.

Я сидела на банкетке в кондитерской «Салина» растерянная, едва дыша. Я пришла абсолютно вовремя и в абсолютном отчаянии. Не ромовая баба была мне нужна, а настоящий ром, какой дают приговоренным к смерти. Два дня меня расстреливали холостыми патронами из всех мушкетов любви, ревности и отчаяния: Алан, в который уже раз, нацелил на меня весь свой арсенал и палил в упор, поскольку эти два дня он не позволил мне выйти из квартиры. Каким-то чудом я вспомнила о дурацком свидании в чайном салоне с Юлиусом А. Крамом.

Любая другая встреча, с другом, близким человеком, — я это знала — побудила бы меня к откровенности, а этого я как раз и не хотела. Я боялась исповедей, которые обычно так нравятся женщинам моего поколения. Я не умела выразить себя и всегда боялась убедиться в собственной неправоте. И потом, ведь могло быть только два решения: первое — терпеть Алана, нашу совместную жизнь, то, что каждую минуту мы оказываемся в тупике, что сердце ожесточилось, а мысли в полном беспорядке; второе — уйти, убежать, вырваться от него. Но в иные минуты я, не знаю почему, вспоминала его таким, каким когда-то любила, и тогда исчезали куда-то и я сама, и то решение, которое я считала единственно правильным.

В кондитерской, где порхали проголодавшиеся молодые люди и жужжали пожилые дамы, я поначалу чувствовала себя хорошо. В безопасности: охраняемая шеренгами надменных английских пудингов, сокрушительных французских эклеров

и простодушных буше под темной глазурью, не ведающих ни о чем — в том числе и обо мне. Ко мне вернулось желание жить, улыбаться. Я посмотрела на Юлиуса А. Крама, на которого до сих пор еще не взглянула. Он показался мне очень благопристойным, очень приятным и немного помятым. Чувствовалось, что за два дня щеки его покроются лишь кое-где пробивающейся колкой щетиной, без всякого намека на какую-либо бороду. Я забыла о его деятельности, о неукротимой энергии, затраченной им для достижения своей цели, — забыла, глядя на эту юношескую растительность, о звериной силе и прославленном могуществе Юлиуса А. Крама. Вместо индустриального магната я видела пожилого младенца. Я находилась в плену своих ощущений. Но нередко они подтверждались, потому я на них и не в обиде.

— Два чая, ромовую бабу и миндальное пирожное, — сказал Юлиус.

— Сию минуту, мсье Крам, — пропела официантка и, проделав замысловатое па, исчезла в лабиринте ширм.

Я смотрела на нее с тем преувеличенным вниманием, которое инстинктивно проявляешь ко всему после того, как тебе чудом удалось избежать смертельной опасности. «Я сижу в кондитерской с каким-то промышленником, мы заказали миндальное пирожное и ромовую бабу», — нашептывала мне моя память, а сердце и разум, то есть я сама, не видели ничего, кроме обезображенного гневом красивого лица Алана у лестничных перил. Я бывала в барах, ресторанах, ночных кабачках во многих местах нашей милой планеты. Я понятия не имела о чайных салонах (об этом меньше, чем о другом), и эта обивка из туал-де-Жуи¹, и все эти церемонии, и белые передники, и крахмальные наколки — все это вызывало у меня чувство обманчивой безопасности, почти непереносимое. Ничего не поделаешь: решительно, мне больше подходит задыхаться от гнева и горя, упав с растрепанной прической на ковер, в присутствии своего сверстника, измученного так же, как и я, а не

¹ *Туаль-де-Жуи* — набивная хлопковая ткань с одноцветным пейзажным или цветочным рисунком.

лакомиться пирожными в обществе благовоспитанного незнакомца. Так иногда бывает: какое-нибудь представление о себе самом, чисто зрительное, долго держится в памяти. Остальное время плывешь, не видя себя, растворяясь в дорожке бесцветных солоноватых пузырьков, опускаешься все глубже и глубже, на дно слепого, глухого и немого отчаяния. Или, наоборот, великолепный и торжествующий, появляешься в глазах кого-то, кто ослеплен этим солнцем — тобой, — солнцем, которое выдуманно им же самим себе на гибель. Наверно, излишне говорить, что в тот момент я не думала ни о чем подобном. Я вообще никогда не говорила о себе: другие интересовали меня больше. А тогда я просто подумала: желтое или бежевое будет миндальное пирожное? Должно быть, что-то среднее. В конце концов, не зная, что сказать, я спросила об этом Юлиуса. Он, казалось, пришел в сильное недоумение, пожал плечами — у мужчин верный признак того, что им нечего ответить — и спросил, как поживает Алан.

Я коротко ответила, что у него все в порядке.

— А у вас?

— У меня тоже, конечно.

— Конечно... это не ответ.

Он начинал меня раздражать. Может, это и не ответ, но другого у меня не было. Кроме как во всех подробностях поведать ему о своем детстве, отношениях с разными людьми и бурном браке с Аланом, мне больше нечего было рассказывать. И потом, я не знала Юлиуса. Он не был мне ни другом, ни поверенным. Миндальное пирожное что-то слишком долго не появлялось.

— Я не деликатен, — сказал он тоном, не допускающим возражений и почти торжествующим.

Я вяло махнула рукой в знак отрицания, взглянула на свои дрожащие руки и стала искать в сумке сигареты.

— Я всегда был не деликатен, — повторил Юлиус А. Крам. — Впрочем, — добавил он, — это у меня не от нескромности, а от неловкости. Мне бы хотелось знать о вас все. Понимаю, для начала нужно было бы поговорить о погоде, но у меня не получается.

В глубине души я подумала, что вряд ли разговор о погоде мог как-то улучшить дело. Он вдруг и в самом деле показался мне неделикатным, грубым и лишенным обаяния. Если у него нет ни проблеска воображения, чтобы завязать самый пустяковый разговор, именно пустяковый, он должен об этом знать и не приглашать меня в этот дурацкий чайный салон. Мне захотелось уйти, оставить его наедине с его пирожными, и только страх перед тем, что ожидало меня на улице, перед растерянностью, которая охватит меня, перед скорым возвращением в наше адово жилище удержал меня.

«Ладно, в конце концов, он же человек, — подумала я, — можно попробовать поговорить. А то что-то ненормальное...» И правда, я впервые чувствовала перед кем-то такую заторможенность, напряжение и желание сбежать. Я тут же приписала это моим расстроенным нервам, бессоннице последних ночей, отсутствию жизненного опыта — словом, сделала то, чего делать не следовало: приписала себе, а не Юлиусу неудачу первых минут. Впрочем, всю жизнь нечто вроде больной совести, близкой к слабоумию, побуждало меня возлагать на себя некую не вполне осознанную ответственность. Дошло до того, что я чувствовала себя виноватой перед Аланом. А теперь вот — перед Юлиусом А. Крамом, и, если приветливая официантка растянется на ковре со своим миндальным пирожным, я буду думать, что это произошло по моей вине. Какая-то злость на самое себя и на ту мучительную неразбериху, в которую я превратила свою жизнь, охватила меня.

— А вы, — спросила я сдержанно, — чем вы занимаетесь в жизни?

— Ворочаю делами. Точнее, уже провернул много дел. Теперь занимаюсь тем, что контролирую их. Я, можно сказать, живу в машине, езжу из одной конторы в другую. Контролирую и еду дальше.

— Весело, — сказала я. — А кроме этого? Вы женаты?

Он на мгновение смутился, как будто я ляпнула что-то неприличное. Возможно, мне полагалось знать, что он холостяк.

— Нет, — ответил он, — не женат, но когда-то чуть было не женился.

Он произнес эту фразу так торжественно и так высокопарно, что я посмотрела на него с любопытством.

— Все разладилось? — спросила я.

— Мы не были людьми одного круга.

Кондитерская, казалось, застыла у меня перед глазами. Что я здесь делаю, с этим бизнесменом-снобом?

— Она была аристократка, — сказал Юлиус А. Крам с несчастным видом. — Английская аристократка.

Я снова посмотрела на него с изумлением. Если этот человек и не интересовал меня, то, во всяком случае, удивлял.

— Но почему, если она была аристократкой...

— Я добился всего только благодаря самому себе, а когда я встретил ее, то был еще очень молод и не уверен в себе.

— А теперь, — спросила я, заинтригованная, — вы, значит, уверены в себе?

— Теперь — да, — сказал он. — Главное преимущество денег — с ними уверенно чувствуешь себя везде.

И как бы в подтверждение этой чудовищной банальности он постучал ложечкой о чашку.

— Она жила в Рединге, — продолжал он мечтательно. — Вы знаете Рединг? Это небольшой городок недалеко от Лондона. Я встретил ее на пикнике. Ее отец был полковником.

По-видимому, если уж я хотела отвлечься от своих мыслей, лучше было мне сходить в кино и посмотреть какой-нибудь бред с убийствами или сексом, которыми так богато наше время. Пикник в Рединге с дочкой полковника — это явно не то, что может разжечь воображение молодой отчаявшейся женщины. Мне, как всегда, везет. Стоило раз в жизни встретиться с одним из тех, кого называют финансовой акулой, как у меня решка, я попадаю в трещину, в надлом: невеста-англичанка слишком аристократического происхождения. Легче было представить себе, как Юлиус А. Крам довел до самоубийства дюжину нью-йоркских банкиров. Я чуть надкусила ромовую бабу и поздравила себя с этим. Пирожные я всегда

терпеть не могла. Юлиус А. Крам, должно быть, все еще мысленно бродил по зеленым холмам Рединга. Он молчал.

— А потом? — спросила я.

Ситуация, в которой я находилась, все-таки обязывала меня, соблюдая приличия, допить чай.

— О, потом ничего серьезного, — сказал Юлиус А. Крам и покраснел. — Кое-какие приключения... разве что.

На мгновение я представила его в привилегированном заведении среди обнаженных женщин. У меня закружилась голова. Это было невысказано. Малейший намек на сексуальность был несовместим с видом, голосом, обликом Юлиуса А. Крама. Я не могла понять, что же составляет его силу в этом подлом мире, поскольку он, казалось, начисто был лишен тех двух главных пружин, которые обычно определяют поступки людей: тщеславия и сексуальности. Этот человек был мне совершенно непонятен, и если в другое время подобное заключение возбудило бы мое любопытство, то теперь я испытывала только растерянность и некоторую неловкость. Кажется, мы все-таки поговорили о погоде, и я с притворным воодушевлением согласилась на новую встречу, там же и в тот же час, на будущей неделе. Поистине, я согласилась бы на что угодно, лишь бы выпутаться из этого дурацкого положения.

Я возвращалась домой пешком, очень медленно, и только когда я шла по Пон-Руаяль, меня разобрал безумный смех. Эта встреча была не просто нелепой, — более того, ее совершенно невозможно было передать словами. Впрочем, думаю, именно благодаря этой нелепости в последующие дни я вспоминала о ней с каким-то даже приятным чувством.

Через две недели я уже совершенно забыла об этом эпизоде. Я позвонила Юлиусу А. Краму, вернее, его секретарше, чтобы отменить наше свидание, и на другой день получила огромный букет и визитную карточку с выражением глубокого сожаления. В пустынной, запущенной квартире, будто разоренной адом наших отношений, который мы оба, Алан и я, тщательно поддерживали, эта охапка цветов в течение нескольких дней выглядела чем-то неприлично живым и радостным, пока не увяла и окончательно не засохла.

Положение, если можно так выразиться, стабилизировалось. Алан не выходил из квартиры. Если я хотела уйти, он шел за мной. Если звонил телефон, что случалось все реже и реже, он подходил, говорил: «Никого нет дома» — и бросал трубку на рычаг. Остальное время он, как безумный, вышагивал по квартире, повторяя мне свои претензии, изобретая новые, допрашивал меня, будил, когда я спала, и то плакал, как ребенок, над концом нашей любви и твердил, что это его вина, то горько упрекал меня, все более ожесточаясь. Я настолько от всего отупела, что не чувствовала себя в силах противостоять ему. Даже перестала думать о бегстве. Мне казалось, что эта буря, эта странная бездна, в которую мы оба с каждым днем погружаемся все глубже, должна кончиться сама по себе и надо только ждать. Я умывалась, чистила зубы, одевалась и раздевалась в силу какого-то рефлекса, хранившегося в моей предыстории. Служанка в ужасе сбежала от нас неделю назад. Мы питались консервами, каждый сам по себе, и я тупо сражалась с банкой сардин, которых мне не хотелось,

но которые, я знала, нужно съесть. Квартира была сбившимся с курса кораблем; Алан, его капитан, сошел с ума. А у меня, единственной пассажирки, не было больше ничего, даже чувства юмора. Наши друзья, те, что звонили, или более настойчивые, которые стучали в дверь (Алан их сразу выпроваживал), полагаю, не имели ни малейшего представления о том, что происходит за этими стенами. Может быть, они даже думали, что у нас в разгаре медовый месяц.

В этой круговерти угроз, мольбы, сожалений и обещаний, затрепанных и вспышек грубой страсти я жила, не помня себя, охваченная ужасом. Дважды я все-таки пыталась сбежать, но Алан перехватывал меня на лестнице и силой заставлял подняться, первый раз молча, второй — бормоча по-английски грязные ругательства. Ничто больше не связывало нас с миром. Алан сломал радио, потом телевизор, и если он не перерезал телефонный шнур, то, я думаю, только из-за того, чтобы не отказать себе в удовольствии видеть, как я вскакиваю в надежде — очень смутной надежде, — когда телефон вдруг звонил. Я принимала снотворное независимо от времени суток — если чувствовала, что вот-вот расплачусь, — и тогда, провалившись в сон, полный кошмаров, удирала от него на четыре часа, а он все эти четыре часа не переставая тряс меня, звал то громко, то тихо, иногда прикладывал ухо к моей груди, дабы удостовериться, что я еще жива, что его прекрасная любовь не покинула его, обманув в последний раз с помощью лишнего снотворного. Только один-единственный раз я не выдержала. Я увидела в окно открытую машину, а в ней — молодого человека и девушку, которые чему-то смеялись, и это показалось мне еще одной пощечиной, на сей раз от судьбы: я вспомнила, какой была, какой могла бы быть и какой, как мне казалось тогда в полуобморочном состоянии, уже никогда не буду. В тот день я расплакалась. Я умоляла Алана уйти или отпустить меня. Умоляла в каких-то детских, абсолютно несуразных выражениях вроде «ну пожалуйста», «прошу тебя», «будь хорошим». Он был рядом, гладил меня по голове, утешал и умолял не плакать, потому что ему невы-

носимо больно от моих слез. На эти два или три часа он обрел свое прежнее лицо — нежное, доверчивое лицо защитника. Я уверена, ему стало легче — он не так страдал. Что касается меня, то не могу сказать, чтобы я страдала. С одной стороны, это было хуже, а с другой — не так уж и серьезно. Я ждала, что Алан уйдет или убьет меня. Ни секунды я не думала о самоубийстве: жил во мне кто-то несгибаемый, неуязвимый, кто как раз и заставлял Алана так страдать, — вот этот кто-то продолжал ждать. Порой, однако, это ожидание казалось мне призрачным, бесцельным, и тогда меня охватывало судорожное отчаяние, меня трясло, руки и ноги отнимались, в горле пересыхало и я не могла шевельнуться.

Однажды днем, часов около трех, я металась по кабинету в поисках книги, которую начала читать накануне и которую Алан, разумеется, спрятал, поскольку не выносил, когда что бы то ни было хоть на мгновение отвлекало меня от него, от того, что он называл «мы». Он не вырывал книгу у меня из рук: остатки хорошего воспитания, видимо, удерживали его — он, к примеру, как и раньше, пропускал меня вперед, когда я входила в комнату, и подносил огонь к сигарете. Тем не менее книгу он спрятал, и я искала ее под диваном, ползая по полу, зная, что если он сейчас войдет, то расхохочется, но мне на это было абсолютно наплевать.

Вот тогда-то к нам в дверь и позвонили — впервые за четыре дня, — и я выпрямилась в ожидании отрывистого стука, означающего, что Алан захлопнул дверь перед незванным гостем. Прошла минута, две, я услышала голос Алана, спокойный, в чем-то кого-то убеждающий, и, заинтригованная, пошла в переднюю. В дверях, именно в дверях, то есть только переступив порог, со шляпой в руке стоял Юлиус А. Крам. Я застыла в недоумении. Как он здесь оказался? Увидев меня, он направился ко мне, будто Алана и не было вовсе у него на дороге, и Алан невольно отступил. Юлиус протянул мне руку. Я смотрела на него. Какая-то ошибка в сценарии: я могла ожидать полицию, «скорую помощь», Парсифаля, мать Алана — кого угодно, только не его.

— Как поживаете? — спросил он меня. — Я как раз объяснял вашему мужу, что сегодня мы с вами должны были встретиться в «Салина», выпить чаю, и я позволил себе заехать за вами.

Я не отвечала, я глядела на Алана, который, казалось, оцепенел от изумления и гнева, и Юлиус тоже перевел глаза на него. И тут я снова увидела этот взгляд, который впервые поразил меня у Алфернов — свирепый, леденящий взгляд хищника. Сцена была довольно странная: один мужчина, молодой, небритый, стоит перед распахнутой дверью; рядом второй, средних лет, с серьезным лицом, в темно-синем пальто, и я, молодая женщина, непричесанная, в халате, прислонилась к косяку другой двери. Я не знала, кто же из троих тут посторонний.

— Моя жена нездорова, — резко сказал Алан, — не может быть и речи о том, чтобы она поехала.

Юлиус перевел на меня взгляд, все такой же суровый, и произнес громко и категорично следующую фразу, которая больше походила на приказ, чем на приглашение:

— Я жду ее, чтобы выпить чаю. Я подожду в гостиной, — добавил он, обращаясь ко мне, — вы ведь быстро оденетесь.

Алан быстро шагнул к нему, но кто-то уже появился в дверях, и в квартиру вторглось четвертое действующее лицо этого дурного водевиля. Это был шофер Юлиуса, здоровенный детина. Он тоже был в темно-синем пальто, с перчатками в руках, и лицо у него было такое же отсутствующее и непроницаемое, так что оба походили на гестаповцев, — во всяком случае, как я их себе представляла.

— О чем-то я хотел у вас спросить... — сказал Юлиус, обернувшись к Алану. — Эта квартира выходит на северо-восток, ведь так?

И тут что-то случилось, что-то во мне оборвалось, разрушило мою неподвижность, рассеяло ощущение нереальности происходящего; я ринулась в свою комнату, заперлась на ключ, влезла в брюки, натянула свитер так быстро, что было слышно, как стучат зубы и колотится сердце. Схватила две

Саган Ф.

- С 13 Неясный профиль. Недвижная гроза. Шелковые глаза. Слезинки в красном вине : романы, рассказы / Франсуаза Саган ; пер. с фр. А. Борисовой, О. Егоровой, Л. Ефимова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 512 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26672-8

Мадмуазель Шанель от литературы, французский Сэлинджер и Фицджеральд, скандальная звезда, азартный игрок, прожигательница жизни и тонкий психолог; Франсуаза Саган, прогремевшая с первым же своим романом «Здравствуй, грусть!» (1954), — неизменно свежий голос, кристально честно говорящий о том, что думают и чувствуют живые люди. Книги Саган переводились на десятки языков, вот уже семьдесят лет их читают и перечитывают миллионы людей по всему миру и увлеченно экранизируют кинематографисты.

Брак оказывается ловушкой, любовь — желанием владеть, дружеская поддержка — стремлением к контролю в «Неясном профиле». Страстная и яростная любовная драма разворачивается в утонченной обстановке 1830-х, между балами, пикниками и чаепитиями в единственной у Саган исторической драме, романе «Недвижная гроза», отсылающем к традициям Стендаля. В «Шелковых глазах» и «Слезинках в красном вине» сюжеты калейдоскопически сменяют друг друга — эти элегантные истории роднят Саган с Мопассаном. Есть голоса, в которых звенит подлинная жизнь, сколько бы десятилетий ни прошло, и таков голос Франсуазы Саган.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ФРАНСУАЗА САГАН
НЕЯСНЫЙ ПРОФИЛЬ
•
НЕДВИЖНАЯ ГРОЗА
•
ШЕЛКОВЫЕ ГЛАЗА
•
СЛЕЗИНКИ В КРАСНОМ ВИНЕ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Людмила Дубовая, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.09.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-35663-01-R